

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ **ДЕТЕКТИВНЫЕ** ИСТОРИИ

ОСЕНЬ & ДЕТЕКТИВ

Татьяна **УСТИНОВА**

Анна и Сергей **ЛИТВИНОВЫ**

Евгения **МИХАЙЛОВА**

и другие :-)

Галина Владимировна Романова
Елена Ивановна Логунова
Марина Крамер
Людмила Мартова
Анна и Сергей Литвиновы
Татьяна Витальевна Устинова
Евгения Михайлова
Осень&Детектив
Серия «Великолепные
детективные истории»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65893261

*Осень&Детектив:
ISBN 978-5-04-153950-4*

Аннотация

Осень – это прогулка по живописному парку, чашечка горячего кофе с пирожным, стильный шарфик и, конечно же, интересная книга! Отличным дополнением к осенней программе станет сборник «Осень&Детектив». Несколько остросюжетных рассказов под одной эффектной обложкой – Татьяны Устиновой, Анны и Сергея Литвиновых, Евгении

Михайловой и других талантливых писателей – порадуют вас увлекательными интригами, захватывающими расследованиями, страстными любовными отношениями и, конечно, неповторимым и чарующим осенним настроением.

Содержание

Марина Крамер	6
Татьяна Устинова	45
Анна и Сергей Литвиновы	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Осень & Детектив

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Марина Крамер

Концерт

Утро началось с неприятности. Даже не так... Утро началось с шантажа. Никогда телефоны не приносили в его жизни ничего позитивного.

– Да, слушаю, – отрывисто бросил мужчина, садясь в постели и натягивая повыше одеяло – в комнате было прохладно.

Свободной рукой он дотянулся до пачки сигарет на тумбочке, поставил пепельницу на подушку рядом. «Странная ситуация, – хмыкнул он про себя. – В доме две женщины, а сплю один».

– Алекс, тебе не кажется, что ты заигрался? Ты должен был убрать ее давно – еще тогда! И что я слышу теперь? Что она мало того что жива, так еще и у тебя сейчас? – чуть высоковатый мужской голос в трубке резал слух. Но не тембр голоса звонившего сейчас волновал Алекса, а его слова.

– Это мое дело, – сухо ответил он, выпуская дым в потолок.

– Нет, дружище. Это наше общее дело. Она знает, кто ты, следовательно, она опасна.

– Я не буду это обсуждать. И не звони мне какое-то время – я же сказал, что очень устал и хочу отдохнуть.

– Именно поэтому привез себе в дом двух телок? – ехидно поинтересовался собеседник, и голос его при этом стал совсем уж бабским, почти визгливым.

Алекс поморщился:

– Не пори чушь. Это другое.

– Да, если учесть, что одна из них твоя бывшая жена. В общем, разберись с этим как-то, хорошо? Не вынуждай меня поручать это кому-то другому.

Алекс совершенно потерял самообладание. Нет, его не испугали угрозы звонившего – он знал, что сумеет в случае надобности противостоять кому угодно и защитить бывшую жену, которая сейчас безмятежно спит в своей комнате, не подозревая, что вновь стала источником его головной боли. Раздражало другое...

Он всегда ревностно относился к своей свободе, и любые попытки загнать его в какие-то рамки вызывали злость и неуправляемую ярость. В таком состоянии Алекс мог сделать все, что угодно, – недаром же имел репутацию лучшего исполнителя в «конюшне», как между собой называли нелегальную контору по прибыльному бизнесу на чужой крови его «собратья» по цеху.

Пробуждение всегда давалось Марго нелегко. Страдая бессонницей, она укладывалась часам к трем, а с утра не могла открыть глаза и заставить себя спустить ноги с кровати. Но желание позавтракать втроем всегда подстегивало ее

и заставляло пересиливать утреннюю лень и дремоту. Алекс уезжал из дома около десяти, и к завтраку они спускались в девять, а до этого нужно было еще и привести себя в порядок – не выплывать же в трикотажной ночной рубашке с изображением ослика Иа.

Марго накинула халат и на цыпочках вышла из спальни, подошла к запертой двери через одну от ее спальни и постучала в нее костяшкой согнутого пальца:

– Мэри, просыпайся.

– Я не сплю, – раздался голос подруги, и Марго вздохнула – ну, еще бы! Как можно было заподозрить Мэри в том, что она дремлет! Она вообще не спит в последнее время, почти ничего не ест и много пьет, вызывая у Алекса вспышки гнева. Удивительное дело, но даже он оказался не в состоянии что-то изменить в характере рыжей танцовщицы. Это и ему было «не по зубам».

Марго вернулась к себе и встала под душ. Копна каштановых чуть выющихся волос требовала много усилий – как издевательски шутила Мэри, «у женщин две проблемы – выпрямить кудрявые волосы и завить «бараном» прямые». Марго смеялась, но продолжала бороться с «мелким бесом», как сама это называла. Она наложила на лицо немного тонального крема, подкрасила ресницы и брови, критически осмотрела себя и скорчила недовольную гримасу:

– Мисс Пигги...

Этот ритуал повторялся изо дня в день вот уже много лет.

С самого детства мать внушала ей, что с такой внешностью, размерами и фигурой никто из мужчин никогда не посмотрит в ее сторону с интересом. Парадокс, но крупная, яркая Марго с четырнадцати лет от кавалеров отмахивалась как от комаров на болоте. Однако внутри все равно сидела маленькая обиженная девочка, ужасно неуверенная в себе и ищущая опровержение словам матери.

– Марго, ты скоро?

Она вздрогнула и вышла из ванной. На ее кровати, поджав под себя ногу в черном шерстяном гольфе, натянутом до бедра, сидела Мэри. Вот уж кто не утруждал себя заботой о внешнем виде... Рыжие волосы небрежно склоты в пучок, отросшая челка почти закрывает глаза («ты мой йоркширский терьерчик», – шутливо говорила Марго, скручивая челку подружки в хвостик и задирая ее наверх), длинный вязаный кардиган поверх трикотажной майки, напоминавшей скорее короткое платье. Мэри постоянно мерзла и кутала травмированные ноги в шерстяные танцевальные гетры. И неизменная пачка сигарет в кармане. Закурят с Алексом после завтрака, он уткнется в газету, а она, отодвинув стул, упрется коленом в столешницу и будет смотреть в большое витражное окно за спиной Алекса. Каждое утро похоже на предыдущее и на последующее...

Мэри иногда говорила, что ее очень подмывает хлопнуть об пол дорожную чайную чашку из лиможского фарфора, чтобы изменилось хоть что-то. Хотя порой они с Алексом здоро-

во цапались за завтраком, после чего он выскакивал из дома и так оглушительно хлопал дверью, что домработница Ингрид вскрикивала от испуга. Мэри же невозмутимо закуривала новую сигарету и констатировала:

– Бэтмен вылетел.

Марго никак не могла понять, зачем Мэри выводит и без того нервного Алекса из себя. Но подруга не объясняла, а Алекс только грозно сверкал глазами.

Именно сегодня за завтраком Марго уговорила их пойти на концерт – ни Алекс, ни – тем более – Мэри не рвались выходить из дома. Он занимался какими-то делами, она писала стихи в своей комнате, пила коньяк и беспрестанно плакала, думая, что Марго этого не слышит. Но та мучилась от бессонницы и потому довольно отчетливо различала за стенкой характерные звуки. «Так нельзя, – думала Марго, лежа без сна в постели, – Мэри непременно нужно что-то делать, иначе она просто сойдет с ума. В идеале ей бы танцевать, но где, с кем?»

И вот пару дней назад Марго совершенно случайно обратила внимание на афишу, рекламировавшую довольно интересный дуэт – виолончелиста и баяниста. В программе значился Астор Пьяццола, которого Мэри обожала с истовостью религиозной фанатички. Эта фамилия и решила все. Марго купила три билета и утром поставила Алекса и Мэри перед фактом, не дав им даже возразить.

Вечером Марго заставила подругу вынуть из шкафа привезенное из Москвы черное коктейльное платье – лаконичное, обтягивающее фигуру танцовщицы и подчеркивающее гибкое тело. Глубокий вырез на груди был замаскирован тонкой сетчатой тканью, что придавало платью вид одновременно сдержанный и сексуальный. Марго сама уложила рыжие волосы Мэри, сделала яркий, почти сценический макияж.

– Ты, Мэрья, перестала себя любить, а зря, – подталкивая подругу к зеркалу, констатировала она. – Посмотри – ну, разве ты отказалась бы так выглядеть каждый день.

Мэри мельком бросила взгляд на свое отражение и равнодушно проговорила:

– Марго, так выглядеть каждый день могут только шлюхи на «Sihlquai strasse»¹.

– Очень смешно! – обиделась уязвленная Марго. – Я обычно красила тебя еще ярче и не помню, чтобы это вызвало какие-то возражения.

– Я не собираюсь танцевать, Марго. А в обычной жизни такой грим неуместен.

Марго кинулась было доказывать свою правоту, но тут со второго этажа в гостиную спустился Алекс.

– Мэ-ри, ты решила подзаработать? – насмешливо поинтересовался он. – То есть – на концерт мы едем вдвоем с Марго?

Мэри бросила красноречивый взгляд на вспыхнувшую

¹ «Улица красных фонарей» в Цюрихе.

Марго и абсолютно спокойно парировала:

– Теперь я буду так выглядеть каждый день. Буквально – возлюблю себя, как советует мне мой стилист.

Алекс только хмыкнул, словно не замечая, как почти до слез расстроилась Марго. Она и так постоянно чувствовала себя едва ли не буфером между этими двоими, сглаживала какие-то острые моменты, смягчала слова Мэри, порой граничившие с хамством, умирляла гнев Алекса, все чаще выходявшего из себя по пустякам. Марго ясно видела – не будь ее, и в этом доме давно бы случилось убийство, причем даже она не могла бы точно предсказать, кто сыграет роль убийцы, а кто – жертвы, потому что оба с одинаковым успехом могли исполнить хоть первую, хоть вторую. Марго жалела подругу, у которой в жизни все пошло кувырком – именно из-за преследований мужа она оказалась здесь, в Цюрихе, в доме Алекса. Да и сама Марго тоже вынуждена была уехать из России как раз благодаря Косте Кавалерьянцу, который в поисках жены явился в Москву к ее подруге. Но Алекс опередил, успел увезти Марго туда, куда перед этим увез и Мэри. Они так и жили втроем в большом доме на самой окраине Цюриха, разбредаясь вечерами по разным комнатам и наматывая там каждый свои мысли.

Марго отчаянно хотела в Москву, сама удивляясь себе. Раньше, когда она жила там, этот город порой доводил до иступления, раздражал многолюдностью, суетой и постоянной гонкой за чем-то, будь то деньги, карьера или что-то

иное. Но сейчас ей ужасно хотелось оказаться дома, в своем дворике, сесть на лавку поздним вечером и слушать, как в кустах заливается соловей. Окраина Цюриха раздражала своей размеренностью, тишиной и каким-то первозданным покоем. Раздражал Алекс – вечно нервный, взвинченный, что-то скрывающий, раздражала даже Мэри – своим молчанием, сигаретами и коньяком в одиночестве на подоконнике практически всегда открытого окна. Любые попытки разговорить ее заканчивались одинаково – длинным собственным монологом, от которого потом долго звенело в ушах. Мэри же молча слушала, прикуривая новую сигарету, или черкала что-то на листочках блокнота, или просто на салфетках. Эта манера писать на обрывках бесила Марго – она сама писала стихи и бережно относилась к ним, не понимая, почему подруга с такой небрежностью выбрасывает потом написанное. Если удавалось раньше домработницы Ингрид проверить утром мусорную корзину, Марго разглаживала эти скукоженные клочки и складывала в ящик стола. Но однажды она с удивлением обнаружила там то, чего сама в ящик не убирала, и поняла, что Алекс порой тоже добавляет в эту коллекцию кое-какие пропущенные ею листки.

От скуки Марго взялась за карандаш и начала рисовать. Мэри, застав ее как-то за этим занятием, поинтересовалась: – Что это? Одинокий петух, как у Астрид Линдгрен в «Карлсоне»?

Марго не обиделась, отложила набросок и, сменив каран-

даш, быстро начала новый рисунок. На глазах у Мэри внизу листа появился синий петух с бойцовски задранной головой:

– Вот это – одинокий петух. А то был павлиний хвост, меня созвучие красок увлекло.

Но в тот же момент она заметила, что Мэри утратила интерес к разговору, и к рисункам – заодно. Опять смотрела в окно и о чем-то думала. Марго вздохнула – равнодушие подруги ко всему в принципе и к мелочам в частности порой ее очень раздражало. Марго искренне не понимала, как можно с таким холодным лицом смотреть на экран, когда там идет увлекательнейший фильм, как можно с гримасой обреченности ковырять вилкой вкуснейший штрудель в кондитерской или с безразличием перебирать на прилавке россыпи совершенно изумительной бижутерии. Но Мэри – это Мэри, и Марго многое прощала ей и любила даже за очевидные недостатки вроде несносного характера, привычки отвечать вопросом на вопрос и категорично декларировать какие-то вещи. Зато эти черты страшно бесили Алекса – от него просто искры летели, если вдруг вечером за ужином он задавал Мэри какой-то вопрос и тут же получал в ответ ровно такой же, просто заданный в другой форме и высказанный в ироничном тоне. Марго все время ждала, что вот сейчас он взорвется и врежет Мэри по лицу, но Алекс, надо отдать ему должное, умел держать себя в руках.

– Зачем ты злишь его постоянно? – спрашивала она, оставшись наедине с подругой, и Мэри с тем же безразлич-

ным выражением лица произносила:

– Только затем, что ему это нравится. Только за этим, Марго. Скучно...

Однако сегодня вечером что-то вдруг изменилось. То ли атмосфера концертного зала так повлияла на Мэри, то ли звуки танго, но она вся подобралась и сидела на самом краешке кресла, словно готова была вот-вот вскочить и выбежать на сцену. Алекс наблюдал за ней с усмешкой, которую маскировал поднесенной ко рту рукой, но Марго видела – ухмыляется. Ей самой же просто нравилась и музыка, и похожий на толстого хомяка виолончелист, и маленький, шустрый баянист в белой шляпе, которую он шутливо снимал после окончания очередного номера. Внезапно виолончелист предложил:

– Господа, если в зале есть те, кто танцует танго, они могут подняться на сцену и продемонстрировать нам свое искусство. Астор Пьяццолла, господа, – король танго!

Марго увидела, как на сцену поднимаются совсем молодые парень и девушка в джинсах и водолазках, и толкнула в бок Мэри:

– Не хочешь?

– Танго – танец парный, – процедила та, явно недовольная тем, что подруга так грубо ворвалась в ее мир и отвлекла от прослушивания.

И тут поднялся Алекс и протянул Мэри руку:

– Думаю, я не разучился. Конечно, вам, привыкшим стоять на пьедестале, мой уровень покажется недостаточным, но попробовать стоит, а вдруг?

Мэри смирila его насмешливым взглядом:

– Цюрих смешить станем?

– Иди, Мэри, – шепнула Марго, поняв, что музыканты не начинают, ожидая их выхода на сцену.

И удивительное дело, но Мэри сдалась, встала и пошла вслед за Алексом. Марго знала, что он хорошо танцует, обладая идеальным слухом – все-таки музыкант, но что они будут настолько гармонично выглядеть в танго с Мэри, она даже не подозревала. Вторая парочка танцевала аргентинское танго, это явно были какие-то ученики одной из многочисленных его школ, а Алекс с Мэри кружились по просторной сцене в классическом, что исполняется на конкурсах бального танца. Это настолько отличалось от того, что делали молодые люди, что у Марго перехватило дыхание. Мэри все-таки была профессионалом, она так умело направляла Алекса, что это не было заметно. Когда музыка закончилась, баянист, отставив инструмент на стул, подошел к Мэри и опустился на колено, сняв шляпу и свободной рукой беря ее руку и поднося к губам. Он что-то спросил, и Мэри ответила, Алекс тоже что-то сказал, и баянист, поднявшись на ноги, взял микрофон:

– Мэри Кавалерьянц и Микхаил Боярски, – коверкая русское имя, провозгласил он.

Марго, едва не упавшая со стула от хохота, взглянула на Мэри и по губам прочитала слово «идиот», обращенное к Алексу. Тот шутливо поклонился и подал ей руку, чтобы помочь сойти со сцены. Они вернулись на свои места, и Мэри прошипела, перегибаясь через Марго:

– А что так скромно? Чего не назвался каким-нибудь Дональдом Даком – им это ближе?

Алекс улыбнулся невозмутимо:

– Меня мой псевдоним вполне устраивает. А ты в следующий раз перед тем, как кричать, кто ты, сто раз подумай – вдруг кто лишний это услышит. И не смей называть меня идиотом даже в шутку.

– Слушаюсь, господин мушкетер! – фыркнула Мэри.

После концерта в фойе к ним вдруг подошла молодая женщина в бордовом платье и заговорила по-немецки, обращаясь к Мэри. Та перевела беспомощный взгляд на Марго, но та не говорила и не понимала этого языка, и Алекс, от души насладившись картиной поверженной Мэри, снисходительно перевел:

– Мадам спрашивает, не желала бы ты преподавать в ее школе танцев.

– Скажите мадам, что я не танцую аргентинское танго и прочие изыски. Я – чемпионка России по «десятке», господин переводчик. Это – десять танцев классической программы спортивного направления.

Алекс быстро заговорил по-немецки, а Марго, дернув Мэ-

ри за рукав, зашипела:

– Ну, и чего ломаешься, как мятный пряник? Тетка дело предлагает – будешь любимым делом заниматься, все развлечение!

– Не хочу, – отрезала Мэри и, вырвав ладонь, отошла в сторону, как будто разговор ее не касался.

Марго только рукой махнула, понимая, что спорить и убеждать бесполезно. Алекс подошел к ней и спросил:

– И чем наша звезда недовольна на этот раз?

– Ой, отстань от нее! Она просто невыносимая сделалась, депрессия, что ли?

– По-моему, она слишком много пьет, и если так продолжится, ее депрессия будет носить уже другое название, – хмыкнул он, – поехали домой, хватит с меня на сегодня выступлений.

То, что они увидели в доме, повергло всех троих в шок. Все оказалось перевернуто вверх дном, как будто в дом попал снаряд. Вещи во всех комнатах валялись на полу, ящики выдвинуты, шкафы открыты, а из цветочных горшков в кухне даже высыпана земля, покрывшая кафельную плитку ровным слоем.

– Это что еще? – выдохнула Марго, пришедшая в себя первой.

– Погром, – тихо отозвалась Мэри, присев на корточки и поднимая с пола в гостиной ноты, небрежно сброшенные

кем-то на пол. – Знать бы еще, в чью честь...

– Вариантов немного, да, Мэ-ри?

Алекс забрал у нее ноты и аккуратной стопкой вернул на крышку рояля.

– Я не думаю... он не нашел бы... – пробормотала она, пожившись.

– Ну, значит, твоей вины нет, спи спокойно, – ровным тоном отозвался он, и от Марго не укрылось, что за этим спокойствием Алекс явно пытается что-то скрыть.

Ночью она не выдержала и пошла в комнату Алекса. Стучать не стала – знала, что не спит, все-таки они прожили вместе год, будучи женатыми, и она успела понять, что ситуации вроде сегодняшней лишают его сна. Так и было – он полусидел в постели, сложив руки поверх одеяла, и смотрел в стену.

– Что ты хочешь, Марго? – спросил, не поворачивая головы, и она, заперевав дверь, подошла к кровати и села на край.

– Поговорить.

– Ну, поговори.

– У тебя неприятности?

– А у тебя их нет? – улыбнулся он, отвлекшись наконец от созерцания обоев.

– У меня – нет. Скажи, ты действительно не считаешь, что этот... погром мог быть связан с мужем Мэри?

– Действительно, не считаю. Сама посуди – откуда Косте знать, куда и с кем улизнула из Москвы его обожаемая супруга?

– Тогда я права, и это твои проблемы, – констатировала Марго со вздохом и осторожно взяла руку Алекса в свои.

Ей всегда нравились его руки с гибкими пальцами пианиста, и всякий раз делалось не по себе оттого, что эти самые музыкальные руки с легкостью сжимали приклад и нажимали на спусковой крючок снайперской винтовки. Марго отлично знала, чем, помимо музыки и собственного бизнеса, занимается ее бывший муж. Собственно, именно это и стало во многом причиной их разрыва. Марго не смогла выносить его постоянных отлучек, его возвращений, во время которых от Алекса в буквальном смысле пахло смертью, его измен... Она просто не смогла с этим жить, хотя очень его любила. Он был ее первым мужчиной, самым ярким пятном в ее жизни... Их отношения тянулись уже много лет, сопровождаясь вспышками то нежности, то невыносимой ненависти друг к другу, однако Алекс всегда был готов прийти на помощь Марго, что нередко и делал. Вот как теперь – они с Мэри жили в его доме как раз потому, что обеим в России грозила серьезная опасность.

Марго поглаживала пальцы Алекса и ждала, скажет ли он еще что-то, кроме того, что уже сказал.

– Марго, мы ведь договаривались, что ты никогда больше не станешь лезть туда, куда тебе не нужно. Именно из-за этого у нас с тобой вышла первая размолвка – да? Ты ведь помнишь?

Еще бы ей не помнить! Она нашла в тайнике несколько

паспортов с его фотографией, но разными именами и национальностями. Как до этого нашла и упакованную в футляр снайперскую винтовку...

Он так разозлился тогда, что запер ее в подвале дома на долгий срок, но, именно сидя там, Марго вдруг с новой силой потянулась к мужу. Наверное, это было самое романтическое время в их совместной жизни.

Но почему Алекс вспомнил об этом сейчас? Неужели... Догадка испугала Марго. Неужели кто-то из его посредников знает, что она жива и в его доме? Это очень плохо... Алекс послушался приказа убрать ее, не смог убить женщину, которую любил. Он исчез сам, бросив Марго одну в Лондоне. Как она выжила тогда, Марго даже вспоминать не хотела. А потом Алекс снова возник как ни в чем не бывало и стал делать это с регулярностью, появляясь в самое неожиданное время и в абсолютно любых местах. Ангел-хранитель...

– Алекс, – Марго прижалась щекой к его руке и посмотрела в глаза так, как умела только она – открытым детским взглядом, который совершенно обезоруживал любого собеседника, – скажи – причина... в том, что ты тогда... ну, помнишь?

Алекс не убрал руку, наоборот, погладил Марго по щеке и спросил:

– Скажи, детка, ты по-прежнему не хочешь быть со мной?
– Перестань... – она чувствовала, что колеблется, и это удивляло. Давно решив для себя, что между ней и Алексом

все закончилось, Марго все-таки иногда фантазировала на тему «а что, если...», и сейчас ей показалось, что Алекс залез в ее мысли и прочел их.

– Ты ставишь какой-то барьер между нами, Марго... зачем ты делаешь это, милая? Разве нам вместе было плохо? – его голос обволакивал, парализовывал ее и совершенно лишал воли.

Марго вся подалась вперед, к нему, и Алекс уложил ее рядом с собой, укрыл одеялом:

– Видишь, детка, ты и сама не против... и я так долго ждал тебя, Марго... моя Марго...

Его руки будили в ней воспоминания о давно ушедшем времени, о тех часах, что они провели вместе, о тех днях и месяцах, когда они любили друг друга. Марго давно не испытывала такого счастья от близости, она успела забыть, каково это – быть с таким мужчиной, как Алекс. Она понимала всех этих многочисленных женщин, что готовы были на все за минутное внимание. Как, как можно отказать, когда он хочет? Совершенно утратив над собой контроль, Марго с криком выгнулась в его руках и почти потеряла сознание. Она так и осталась в его постели до утра.

Завтрак вышел чудовищным... Разумеется, Мэри со своей бессонницей не пропустила ни секунды из того, что происходило за стеной – комнаты были соседними, и теперь искренне наслаждалась и виноватым лицом Марго, и тщатель-

но сдерживаемым гневом Алекса, который пытался корректно отбиваться от ее колких замечаний. Разумеется, долго это не продлилось – Алекс вскочил и дал Мэри оглушительную пощечину. Та только фыркнула, встала и пошла к себе, не забыв, однако, оставить победу за собой – окурок ее сигареты точным броском отправился в чашку кофе, стоявшую перед Алексом.

– Стерва! – прошипел он, отодвигая чашку. – Марго, скажи – зачем она делает это?

– Она такая, – пожала плечами Марго.

– Я думаю, что она ревнует.

– Мэри?! Тебя ко мне?! Это абсурд. Ты никогда не добьешься от нее таких эмоций.

– А хотел бы, – вдруг сказал он и, быстро поднявшись, ушел из гостиной.

Хлопнула входная дверь. Марго посидела еще какое-то время и решила подняться к Мэри. Хотела объяснить и попросить прощения за отвешенную Алексом пощечину.

– Входи, не заперто, – раздалось из-за двери, когда Марго постучала. Мэри сидела на подоконнике и курила, открыв форточку. Правой щекой, на которую пришелся удар, она прижималась к стеклу.

– Больно?

– Нет.

– Я не понимаю, что вы все время делите! Ну, скажи – что? Это же элементарно – если тянет вас друг к другу, ну,

так не противьтесь, будьте вместе! Я отойду в сторону, это вообще не проблема, Мэрик! Я просто поддалась слабости...

Мэри посмотрела на нее каким-то странным, совершенно несвойственным ей взглядом, закурила новую сигарету и произнесла:

– Он хочет, чтобы я в нем видела Бога, Марго. Как ты. Все просто и очевидно. Но я, к сожалению, уже в стольких мужчинах видела Дьявола, что теперь не могу – понимаешь? Не могу ни в ком увидеть этого самого Бога – и Алекс не исключение. И вообще, Марго, – займись своими отношениями, а? – попросила Мэри серьезно. – У тебя появился шанс все вернуть – так используй его. А меня оставь в покое.

Марго на секунду показалось, что Мэри плачет, отвернувшись к стеклу, и она подошла вплотную, сразу заметив, что подруга сжимает в правой руке небольшую плоскую бутылку.

– Ты опять?!

– Слезами горю не поможешь – нужно пить, – подмигнув, Мэри сделала большой глоток прямо из бутылки, чем вывела Марго из себя окончательно.

Она выхватила бутылку и швырнула в форточку:

– Прекрати это! Слышишь – прекрати! Скажи, что не хочешь, чтобы я с ним была, и я больше порога его спальни не переступлю!

– Дура ты, Марго, – с сожалением проговорила Мэри, спрыгнула с подоконника и ушла из дома.

Марго видела, как она удаляется по улице – с прямой спиной, развернутыми плечами и высоко задранной головой, идет, выворотню ставя ноги в замшевых сапогах на скошенном каблуке. Решительная, неприступная, несчастная...

«Привет!...»

Мэри пишет Алексу письма
неразборчивым бисерным
почерком,
вместо адреса ставятся
прочерки,
вместо имени – черный большой
пистолет.

«...»Линии жизни пунктирными точками —
каждая значит «был сложный момент»...

Мэри ручкой выводит истины,
хочется много сказать.

«Думаешь, я не сумею,
не выстою?

Я не люблю!»

Мэри учится лгать.

«...»Разве любовь сильнее одиночества?

Ведь и она заставляет страдать...

Втроем – здесь каждый несчастлив
по-своему.

Знаешь, Алекс, нужно что-то менять.

Мэри пишет грустные письма
и прячет их под кровать.

«Однажды все переменится...»

Мэри учится верить и ждать².

Поставив точку, Марго перечитала и осталась довольна. Сегодняшний побег Мэри вызвал у нее желание залезть в стол и перечитать все, что там хранилось, и именно после этого вдруг родились строчки, отражавшие всю странность отношений между Алексом и Мэри. Убрав блокнот в ящик тумбочки, Марго потянулась и решила, что пришло время выйти на улицу, прогуляться до супермаркета и купить что-нибудь запрещенное ее строгой диетой, а потому особенно желанное.

Она собралась довольно быстро, хотя обычно подобные мероприятия занимали у медлительной Марго довольно большой отрезок времени. Зажав в руке ключи, она закинула на плечо ремень сумки и вышла.

Острый запах от накинутого на лицо платка застал ее врасплох – Марго вставила ключ в скважину, и буквально тут же словно свет выключили. Резкий запах, ударивший в нос, падение – и ничего больше.

– Почему ты сидишь тут вот так... как изваяние, и не делаешь ничего?!

Мэри металась по гостиной туда-сюда, от окна к двери, и бросала гневные взгляды на куrivшего в кресле перед камином Алекса. Он невозмутимо стряхивал пепел с сигареты и,

² Стихи Гузель Магдеевой.

казалось, не замечал нервного состояния девушки.

– Алекс! Я с тобой, по-моему, разговариваю! – Она осталась рядом с ним и с укоризной посмотрела в глаза.

– Чего ты хочешь, Мэ-ри?

– Чтобы ты понял наконец – Марго пропала! Ее нет весь день, понимаешь? Куда она могла пойти, почему не сказала ничего?

– Это не повод для беспокойства, – спокойно парировал он, – Марго взрослая, к тому же – прекрасно знает Цюрих и, в отличие от некоторых, в совершенстве владеет несколькими языками. Так что вряд ли с ней что-то случилось. Кроме того, я почти уверен, что она у этого своего Лео.

– Ну да, а как же! – ядовито фыркнула Мэри, вынимая сигареты из кармана. – Вряд ли после бурной ночи с тобой Марго решила сравнить...

– Осторожнее, Мэ-ри! – с угрозой перебил он. – Ты снова заходишь за грань.

– А ты нарисуй ее почетче, эту грань, – язвительно отозвалась Мэри, – а то я что-то стала плохо ее видеть. Неужели ты не понимаешь, что с Марго что-то случилось, а?! Неужели для тебя сейчас тон моих слов важнее, чем информация о том, где находится она?! Я не понимаю!

«Я сам не понимаю, – ответил бы Алекс, если бы мог. – И скорее всего ты права – Марго куда-то влипла. И я даже подозреваю, кто может быть причастен к ее исчезновению. Мне было бы куда легче знать, что она у Лео».

Но вслух он этого не произнес, только головой покачал, а сказал совсем другое:

– Иди к себе, Мэ-ри, от твоего голоса у меня болит голова.

Она только фыркнула, пошла к двери, пнула попавшееся на пути кресло, и оно с грохотом откатилось в сторону.

«Вот и иди, красавица, мне и без тебя достаточно проблем. Нужно как-то действовать, но как? Я не могу с уверенностью думать о причастности моего шефа к исчезновению Марго – но ведь это вполне вероятно? Ведь он звонил мне зачем-то... А этот человек ничего не делает просто так и не бросает слов на ветер».

Алекс поднялся из кресла и точно так же, как недавно Мэ-ри, заходил по траектории от окна к двери. Только наедине с собой он мог позволить себе беспокойство, нервозность и раздражение, потому что демонстрировать все это Мэри совершенно не собирался. Но внутри у Алекса все переворачивалось от тревоги за Марго – ведь неизвестно, где и у кого сейчас его девочка, что с ней происходит. Он опасался за довольно слабое здоровье Марго и ее неустойчивую психику, подобная ситуация могла очень негативно на них отразиться.

– Почему никто не звонит? – пробормотал он. – Почему никто ничего не требует? Если это дело рук Большого Босса, то он непременно должен поставить меня в известность.

Но телефон молчал, и в этом молчании Алексу чудилось нечто совсем ужасное. Наверху в своей комнате что-то уронила на пол Мэри, и Алекс вздрогнул от неожиданного рез-

кого звука.

– Чертова девка, – пробормотал он раздраженно.

Мэри мелькнула в дверях гостиной, и Алекс насторожился – она была в куртке и джинсах, и это ему совсем не понравилось. Не хватало еще, чтобы и с ней что-то случилось!

Он выскочил в прихожую вовремя – Мэри как раз застегнула «молнии» на сапогах и распрямилась.

– Куда собралась? – сдерживая гнев, поинтересовался Алекс.

– К Лео, – с вызовом ответила Мэри, накидывая на плечо ремень сумки.

– Зачем?

– Проверю, не у него ли Марго. Я понимаю, что тебе это не совсем удобно... – она отвела взгляд, но он успел уловить издевку и рассвирепел окончательно.

– Никуда не поедешь! – рявкнул он, схватив ее за капюшон куртки. – Будешь сидеть в комнате и избавишь меня от лишней головной боли, понятно тебе?

Он изо всех сил встряхнул Мэри, которая была значительно меньше и легче его, и она нелепо взмахнула руками, как марионетка в руках кукловода.

По-прежнему держа Мэри за капюшон куртки, Алекс почти волоком утащил ее в комнату, толкнул на кровать и, выйдя, запер за собой дверь на ключ и сунул его в карман. Мэри колотила в дубовые доски каблуками сапог, но выбраться из комнаты все равно не смогла бы.

– Ничего, постучишь, выплеснешь злость, – пробормотал Алекс, спускаясь по лестнице. Захотелось чашку чая, и он направился в кухню, где Ингрид готовила ужин.

Белый конверт без надписей, лежащий на столе в кухне, привлек его внимание.

– Что это? – спросил Алекс у хлопотавшей возле плиты домработницы, и та пояснила:

– Только что принесли.

– Кто?

– Молодая девушка.

– Что сказала?

– Попросила передать вам. Больше ничего.

– Как она выглядела? – предчувствуя недоброе, спросил Алекс.

– Высокая, в свободном плаще синего цвета. И, по-моему, она беременна.

Алекс уже не слушал. Он выбежал в прихожую, схватил с вешалки пальто и, на ходу стараясь попасть в рукава, выскочил из дома.

Понять, куда направилась девушка, труда не составило – их улица заканчивалась тупиком, следовательно, существовал только один вариант. Алекс бежал вперед, пытаясь найти взглядом незнакомку в синем плаще. И нашел ее – она как раз собиралась сесть в припаркованный у кофейни ярко-желтый «Фольксваген Жук». Алекс успел подскочить к ней и ухватить за руку:

– Постоите, леди, у меня есть пара вопросов.

Внезапно девица развернулась и с такой силой ударила его свободной рукой под ложечку, что Алекс от неожиданности согнулся пополам, хватая ртом воздух. Однако мгновенно собрался и вцепился в полу ее плаща:

– Так не пойдет! Я еще ничего не спросил, – но девица продолжала отбиваться, а ударить в ответ беременную он не мог.

И вдруг он перевел взгляд и увидел, что рука, которой пытается отбиваться незнакомка, совсем не женская. Это открытие слегка облегчило процесс общения, и Алекс, не раздумывая больше, ударил «девушку» в челюсть. Удар оказался сокрушительным, и парень – а это действительно был молодой человек в женском плаще и с привязанным «животом» – рухнул на асфальт, неловко раскидав ноги в узких джинсах и высоких кроссовках. Идущая мимо пожилая супружеская пара в ужасе шарахнулась в сторону, но Алекс уже не обращал ни на кого внимания – он заталкивал потерявшего сознание противника в его же машину.

– Прошу прощения, у меня не было выхода, – проговорил он громко, обращаясь к пожилым супругам. – Этот ряженный украл у меня кошелек, – это было первое, что пришло в голову, и супруги сочувственно закивали:

– Да, такая неприятность... вы отвезете его в полицию?

– Да, несомненно, – кивнул Алекс, садясь за руль.

Он сделал небольшой крюк и подъехал к своему дому с

другой стороны, там, где была небольшая калитка, через которую можно было попасть на задний двор. Заглушив двигатель, Алекс посмотрел на обмякшего на сиденье рядом худого парня в женском плаще, который распахнулся, обнажив приставной живот.

– Что-то я перестарался, – пробормотал Алекс, выходя из машины.

Он вытащил парня и волоком потянул к калитке. «Лишь бы Ингрид не пошла выбрасывать отходы в бак, – думал он, отпирая ворота гаража. – Не хватало еще объясняться».

Алекс втащил парня в гараж и ловко пристегнул его руки к длинной цепи в дальнем углу. Прodelал он эту манипуляцию за считанные секунды – опыт был...

Парень начал приходить в себя, заворочался на холодном полу, забормотал что-то по-испански, и Алекс насторожился. В Испании жил муж Мэри, Костя. Неужели все-таки этот шулер ухитрился выследить, куда именно Алекс увез его жену? Нет, этого просто не могло быть. Марго говорила, что Костя после их отъезда звонил ей и угрожал, но ни словом не обмолвился о том, что знает о местонахождении Мэри. Наоборот – старался вывести его у Марго. Значит, вариант с Костей отпадал.

Алекс присел на корточки и похлопал парня по щеке:

– Эй, приятель, очнулся? – заговорил он по-испански.

– Д-да, – с запинкой выговорил тот, моргая большими карими глазами. – Где я?

– Как ты понимаешь, там, куда недавно принес письмо. Кстати, я его так и не прочел, что в нем?

– Я не знаю, – облизывая губы, пробормотал парень, – меня просили только передать...

– А маскарад к чему?

– Я решил, что так легче скрыться...

«То есть ты в курсе того, чем я занимаюсь, – договорил про себя Алекс, – и потому решил сменить внешность, да еще так кардинально. Что ж, умно».

– Кто дал тебе этот конверт и кто рассказал, где и как меня искать?

Парень покачал головой:

– Я забрал этот конверт в ячейке на вокзале, мне позволили и назвали код. Что в письме – я не знаю. Конверт запечатан. Я просто хотел немного заработать.

«Что-то не похож ты на любителя легких заработков. Очень уж профессионально маскировался, дилетанту это бы и в голову не пришло».

– Ладно, придется тебе пока тут посидеть, – вздохнул Алекс, направляясь к двери, – а я прочитаю письмо и решу, что с тобой делать.

Он запер гараж и пошел в дом. Белый конверт по-прежнему лежал на кухонном столе – Ингрид не решилась прикоснуться к нему. Алекс забрал письмо и сел с ним в гостиной. Казалось бы, чего проще – разорвать конверт и вынуть его содержимое, но он почему-то медлил, словно оттягивал

неприятный момент. Но пальцы сами потянулись к ножу для бумаги, ловко вскрыли конверт, и на колени выпал небольшой листок. Алекс взял его и внимательно прочел несколько строк, написанных острым и очень знакомым почерком, и в какой-то момент перестал понимать, что происходит. В письме не было ни строчки о Марго. Ни единой буквы. Зато упоминалась Мэри. Да что там – упоминалась... Это был вполне четкий и конкретный «заказ» на ликвидацию. И приметы Мэри. А почерк принадлежал Маленькому Боссу – второму человеку в их «конторе», занимавшейся устранением людей за деньги. Все запуталось еще сильнее...

Алекс сунул листок в карман, конверт бросил в камин и задумался. Если с письмом все было более-менее понятно, то вот с исчезновением Марго вообще никакой ясности так и не последовало. И этого парня придется отпустить – это простой курьер, он и в самом деле мог только догадываться, к кому идет. Кроме того, он ничего не мог знать о Марго.

Она медленно приходила в себя, в голове гудело, веки сделались тяжелыми и никак не желали размыкаться. Марго с усилием открыла глаза и огляделась. Интерьер показался ей смутно знакомым, но боль в голове никак не давала сосредоточиться. Несомненно, она уже бывала здесь раньше – иначе почему ей так знакомы эти рисунки на потолке? И этот огромный шкаф в углу комнаты, и массивная кровать с балдахином?

Дверь открылась, и в комнату вошел мужчина.

– Ну что, очнулась, малышка?

И сразу все встало на свои места – голос принадлежал Лео...

– Ты... как ты... зачем?! – с трудом проговорила Марго, еле ворочая непослушным языком.

– Ты перестала отвечать на звонки, перестала приезжать ко мне – что еще я мог сделать?

Лео сел на кровать и положил руку на колено Марго. Она дернулась:

– Не трогай меня!

– В чем дело? Ты не рада видеть меня? – удивился он, но руку убрал.

Марго подобрала под себя ноги, обхватила руками плечи и враждебно спросила:

– А ты думаешь, что я должна быть рада?

– Извини, если испугал тебя, я не хотел...

– Ты говоришь так, словно на ногу в метро кому-то наступил! Подкрался сзади, какой-то дрянью брызнул в лицо... я ведь могла задохнуться и умереть, не подумал?

– Марго, малышка, успокойся. Я ведь извинился...

– Да пошел ты! – взвизгнула она, представив, что Мэри и Алекс сейчас уже хватились ее – за окном было темно, значит, она отсутствует уже довольно долго, и это не могло не насторожить их. – Ты хоть понимаешь, что сделал?

Лео вдруг злобно сверкнул глазами, и она по-настоящему

испугалась – а что, если он сейчас ударит ее? Такой ручищей запросто можно снести голову...

– Боишься, что твой бывший расстроится?

– Это не твое дело.

– Это – мое дело! Я больше не намерен делить тебя с ним! – зарычал Лео, став похожим на огромного рассерженного великана из сказки. – Если хочет – пусть приезжает, устроим честный бой!

«Господи, какой же он примитивный, – вдруг подумала Марго, глядя на любовника с жалостью. – Как я вообще могла что-то с ним иметь? Кошмар... как будто пелена с глаз упала...»

Мэри в бессильной злобе металась по комнате от окна к двери. Она слышала, как Алекс вышел из дома, слышала, как спустя какое-то время на заднем дворе припарковалась машина. Слышала и то, как Ингрид бродит по дому с пылесосом, напевая что-то по-французски. Мэри осторожно постучала в дверь, привлекая внимание домработницы, и, когда та подошла к двери, попыталась заговорить с ней. Но Ингрид не говорила по-русски, а сама Мэри не могла ни слова сказать ни на каком другом языке, понятном ей. Попытка освободиться из заключения при помощи домработницы потерпела крах.

Опустившись на кровать, Мэри едва не разрыдалась. Она интуитивно чувствовала, что Марго у Лео – ну, негде ей

больше быть, других знакомых в Цюрихе у нее не имелось, но как объяснить это Алексу, раз тот совершенно не хочет слушать? И где он сам?

Алекс тоже думал о Лео. Теперь, когда он прочел письмо и убедился, что Большой Босс не имеет отношения к исчезновению Марго, он утвердился в мысли, что Мэри была права. И это означало только одно – нужно ехать к этому Лео. Только вот как это все будет выглядеть? Меньше всего ему хотелось предстать в роли ревнивого мужа, заставшего жену с любовником – в конце концов, Марго свободная женщина и имеет право на что угодно. Но ведь ночь, которую они провели накануне, не могла не дать ей понять, что он настроен серьезно и вполне готов начать все заново. И Алекс решился.

Адрес Лео он знал, как, впрочем, привык знать все, что касалось Марго. Сев в машину, он подумал, что еще нужно решить что-то с пленником в гараже, но это сейчас не имело первостепенного значения. Посидит, подумает – может, еще что расскажет. Хотя ничего больше Алекс знать не хотел, все и так было слишком уж очевидно – этот человек просто передал ему «заказ». На Мэри. Но думать об этом сейчас он не хотел. Сперва нужно найти Марго.

Оставив машину на соседней улице, Алекс двинулся к дому Лео. Попасть внутрь труда не составило, и он остановился в просторной прихожей, прикидывая, где именно искать

Марго. В доме было тихо, и Алекс, стараясь не шуметь, двинулся к лестнице, ведущей на второй этаж. Ему вдруг показалось, что он слышит голос Марго – она что-то говорила, почти кричала. Да, точно – вот за этой дверью, напротив которой он остановился, явно происходило что-то. Алекс взялся за массивную ручку и осторожно нажал – дверь поддалась. Он сразу же увидел сидящую на кровати Марго с поджатыми ногами, а около нее – Лео. Тот обернулся и с растерянным видом посмотрел на незваного гостя. Воспользовавшись этой растерянностью, Алекс одним прыжком оказался рядом и изо всех сил ударил Лео в челюсть. Необходимо было мгновенно обездвижить его, лишить возможности подняться, потому что по физическим данным соперник явно превосходил Алекса. Эффект неожиданности сработал – Лео не успел отреагировать, пропустив удар, и оказался на полу, и уже здесь Алекс нанес еще один удар по шее, ребром ладони по сонной артерии. Грузное тело Лео обмякло, глаза закатились. Марго, неподвижно сидевшая на кровати, словно очнувшись, вскрикнула и кинулась за спину Алекса, уцепилась за его руку:

– Как ты меня нашел?

– Большая тайна... – бросил он. – Пошли отсюда.

Он вытолкнул Марго из комнаты, и в тот же момент пришедший в себя Лео обрушился на него сзади. Они сцепились и покатались по полу, сшибая по пути кадку с огромным фикусом, зеркало в кованой оправе, сбивая ковер... Лео был

сильнее, но полученный перед этим рауш давал о себе знать, и его удары не всякий раз достигали цели. Алекс, более верткий и худой, старался уклониться от кулаков разозленного противника и одновременно дотянуться до его горла. Когда же ему это удалось, тонкие пальцы стали сжиматься в кольцо, и Лео захрипел. Марго зажмурилась в дверях, не в силах сдвинуться с места. Она боялась, что Алекс задушит Лео, и ко всем остальным сложностям добавятся еще и проблемы с полицией.

– Отпусти его! – негромко вскрикнула она, когда увидела, что Лео уже не оказывает сопротивления, а изо рта у него появилась кровавая пена.

Алекс услышал ее голос и обернулся – на правом виске кровоточила длинная ссадина, из разбитого носа тоже текла кровь, и вид у него был просто ужасный. Таких бешеных глаз Марго давно не видела...

– Хватит, Алекс, прошу тебя, – взмолилась она, приближаясь и опускаясь рядом на колени, – пойдем отсюда...

Алекс вытер кровь тыльной стороной кисти, убедился, что Лео дышит, но подняться явно не сможет, встал, вздернул на ноги Марго и потянул за собой к двери:

– Зачем? Скажи, зачем ты сделала это?

– Ты не смеешь обвинять меня! – задыхаясь от быстрой ходьбы, выдавила Марго.

– Я не обвиняю... – Алекс закрыл входную дверь и, не выпуская руки женщины, устремился на соседнюю улицу к

припаркованной машине.

К счастью, на город уже опустилась ночь, и даже редкие случайные прохожие не могли различить следы крови на его лице. Марго с испугом озиралась по сторонам, словно ожидая, что в любой момент Лео может возникнуть откуда-то и Алексу вновь придется отбиваться. Но вот уже показалась машина, и Марго почувствовала, как напряжение спадает. Только забравшись на заднее сиденье, она позволила себе расслабиться и заплакать.

– Что ты реवेशь? – почти с неприязнью спросил Алекс, заводя машину. – Жалеешь, что я ему морду разбил?

– Глупости... не говори глупости, как ты можешь... – всхлипнула она. – Ты что же думаешь – я сама к нему пошла? Да он меня прямо с крыльца уволок, отравил какой-то дрянью, я сознание потеряла...

– Хорошо, что он такой здоровый, а то мог и не дотащить, – совсем уже зло бросил Алекс.

– Что?!

– Что слышала! Надоели вы мне обе – убил бы! Постоянно то одно, то другое! Ты что думаешь – у меня других дел нет, кроме как всякий раз вытаскивать из неприятностей то тебя, то твою подружку, а? Не удивлюсь, если сейчас приедем, а она по простыням из окна спустилась, тебя искать побежала! Спасательница! А сама даже дорогу нормально спросить не сможет, опять в двух улицах запутается, ищи ее потом! – Он повел машину с такой скоростью, что у Марго перехватило

дыхание.

Правда, узкая улица не дала Алексу возможности долго продолжать свое ралли, и он вынужден был успокоиться и вести машину медленнее. Марго выдохнула и вдруг тоже подумала о Мэри. Выходило, что Алекс запер ее – раз упомянул про окно и простыни. «А что – с нее станется... Она вполне способна вытворить такое, я-то знаю». Марго охватило беспокойство. Перед глазами замелькали картины одна ужаснее другой. Мэри могла сорваться с подоконника, могла действительно заблудиться, страдая топографическим кретинизмом – даже в Москве Марго иной раз боялась выпустить ее куда-то одну. А уж здесь, в чужой стране, без знания языка, Мэри могла забрести куда угодно.

Машина остановилась у дома, и Алекс, выдернув ключи из замка зажигания, сразу пошел к крыльцу, даже не повернувшись посмотреть, вышла ли Марго. Она тоже поспешила следом. Не сговариваясь, они поднялись по лестнице на второй этаж, и Алекс полез в карман за ключом:

– Будем надеяться, что эта чокнутая по-прежнему курит на подоконнике, а не валяется в кустах.

– Алекс! – взмолилась Марго и, едва дверь открылась, оттолкнула его и ринулась в комнату.

Мэри лежала на кровати в свитере, джинсах и сапогах и смотрела в потолок.

– Мэри! Ты... здесь... – выдохнула Марго, бросаясь к ней. Мэри мгновенно села и обхватила подругу за плечи, при-

тянула к себе:

– С тобой все в порядке? Где ты была? Я чуть не рехнулась от ужаса!

– Надеюсь, на ближайшие пару часов у вас есть тема для разговора, и вы наконец позволите мне остаться в одиночестве и заняться своими делами, – раздался у них за спиной ехидный голос Алекса, остановившегося в дверях и теперь с усмешкой наблюдавшего за происходившим в комнате.

Мэри вздрогнула и выпрямилась, прищурила глаза и уже готова была выдать какую-нибудь очередную колкость в его адрес, но Марго мягко взяла подругу за руку:

– Не нужно, Мэрик, пусть... – и Мэри промолчала.

«Один: ноль», – констатировал про себя Алекс и ушел к себе. Но спустя несколько минут в дверь постучали. Это оказалась Мэри с флаконом перекиси и упаковкой ваты в руках.

– У тебя кровь, – спокойно сказала она, входя в комнату.

Алекс чуть посторонился, пропуская ее. Мэри деловито распаковала вату, откупорила флакон и, плеснув из него жидкость, повернулась к Алексу:

– Сядь, будь так любезен. Мне не дотянуться.

Он хмыкнул и послушно опустился на кровать. Прикосновений ватного тампона к брови он почти не почувствовал, наблюдая лишь за выражением лица Мэри. Та была сосредоточенна и серьезна, но в движениях чувствовалась уверенность.

– Что – не впервой?

– Нет, – подтвердила она, убирая тампон и осматривая бровь. – Я же тренером работала, а с детьми чего только не приключается на тренировках. И не такое видела.

– Не припомню, чтобы бальные танцы были сродни боксу, – едко ввернул он, но Мэри не приняла колкость:

– Все, теперь порядок.

Прихватив со стола флакон, она направилась к двери.

– Мэри...

– Не надо, Алекс. Я все понимаю, – и, даже не обернувшись больше, девушка вышла.

Ужинали они поздно ночью, в молчании и при зажженных свечах. Так почему-то вдруг решила Марго, больше всего на свете боявшаяся прикасаться к огромным канделябрам. Но сегодня ей вдруг захотелось запаха горящих свечей, маленьких язычков пламени, подрагивающих от любого движения воздуха, и она собственноручно зажгла их – все двадцать четыре. Мэри только ухмыльнулась, но промолчала, а Алекс, догадавшись о причине, только сжал руку Марго под столом, показывая, что все понял.

Глядя на сидящих за столом женщин, он в который раз поймал себя на мысли о том, что уже не представляет своей жизни без них. Пусть и проблем от их присутствия прибавилось, и головной боли стало в разы больше. Но они нужны были ему – обе. И только белый листок бумаги, надежно запертый в сейфе, никак не давал покоя. Муж Мэри не

остановится, пока не убедится в том, что она мертва. И он, Алекс, должен сделать все, чтобы этого не произошло. И он обязательно найдет выход, должен найти – иначе какой он ангел-хранитель?..

Татьяна Устинова

Ну началось!

Вот никогда в жизни ничего мы не знали про «молодое божоле» и про то, что это большой праздник там, где то самое вино производят, то есть во Франции!.. Собственно, никаким пристрастием к французскому вину мы в принципе не страдали, и словосочетание «третий четверг ноября» только в последнее время приобрело для нас, нормальных русских ребят, *особое* значение!

Третий четверг ноября, в этот день пробуют «молодое божоле», вы что, не знаете?!

Нет, уж теперь-то, конечно, знаем!.. Образовались. Оцивилизовались. Оевропеились – можно так сказать?..

Ноябрь давно позади, и, стало быть, «молодое божоле» продегустировано – кажется, в прошлом году было лучше (хуже), а по сравнению с самым удачным урожаем восемьдесят восьмого (две тысячи пятого) нынешнее вообще никуда не годится (превосходно)!..

Ноябрь давно позади, и я так и не научилась сколько-нибудь разбираться во французском вине ни молодом, ни старом, но для меня этот самый третий четверг – начало праздников.

В это самое темное, самое глухое, самое... безнадежное

время года, когда даже солнце появляется на небе редко и необязательно, просто для того, чтобы проверить, есть ли мы еще на планете, наши далекие предки придумали себе – и нам! – праздники!

Мы обзавелись электрической лампочкой Эдисона, паровой машиной Уатта, формулой Циолковского, двигателями внутреннего сгорания, елками из полиэтилена, пуховиками из синтетики, гирляндами из Китая, но праздники эти, самые затяжные в году, мы не только не сократили, но даже продлили!

Вот, к примеру, для нас они более или менее начинаются в третий четверг ноября, когда «пробуют молодое божоле», до которого нам нет никакого дела, и продолжаются до середины января, до «Старого Нового года», который теперь «на острие сатиры» у всех без исключения юмористов!..

В том смысле, что мы в отечестве нашем такие дураки, что даже новый год у нас старый!

Нет, не дураки мы.

Ну, потому что самое глухое, самое темное, самое холодное, самое безнадежное время в году!.. Ну, потому что ни Москва, ни Питер, ни Красноярск, ни Екатеринбург все еще по-прежнему и решительно никак не находятся на широте Лос-Анджелеса, что уж говорить про Майами! Ну, потому что солнца нет и не будет до февраля.

Ну, потому что нужно как-то утешать и развлекать себя – и своих детей, и своих собак! – и как-то дожидаться весны, и

как-то скакать около елочки, и как-то кататься на саночках. И как-то пироги, что ли, печь, и как-то свечи, что ли, зажигать, отгоняя окружающий плотный холод и мрак.

Ей-богу, мне не жалко на эти праздники ухлопать месяц с лишним!

Ну, потому что – куда же его еще, этот месяц-то?! Ударно работать не получается, красиво прогуливаться тоже не выходит, отбыть в Куршевель никак невозможно, заняться самосовершенствованием нет сил.

Остается только... праздновать.

Изо всех сил. Во все лопатки. Заложив уши. Встопорщив хвосты!..

Мы встопорщиваем наши хвосты в несколько этапов.

Сначала мы наряжаем елочку около дома, и сам черт нам не брат, в том смысле, что хоть дождь с небес, хоть мороз тридцать градусов, мы все равно наряжаем и все равно счастливы!..

Потом мы достаем из гаража лыжи и... осматриваем их, как бы намереваясь немедленно двинуть «на лыжню». Двигаем редко, а вот осматриваем с удовольствием и радостью, как бы предвкушая «зимние забавы», которые эти самые лыжи и символизируют.

Потом мы с сестрицей покупаем свечи – несколько мешков – и расставляем их во всех углах наших квартир. Приходя друг к другу в гости – примерно по три раза на неделе, а как иначе, праздники же! – мы на них любуемся, на свечи-то.

Красиво, ничего не скажешь!..

Потом мы притаскиваем елки в дом. У меня их, к примеру, три: одна в ванной, и всем очень там мешает, и стоят они до двадцать пятого января, то есть до Татьянинного дня. Надо заметить, что к этому самому дню выглядят они совсем неважно, но нас это нисколько не смущает.

Да, а еще рецепты!.. Декабрьско-январские рецепты дорогого стоят!.. Рождественская коврижка с изюмом и цукатами. Шоколадное печенье с ореховой крошкой. Салат оливье. Солянка мясная – ей, этой солянке, нужно отдать три часа, иначе ничего не выйдет!.. Гусь с яблоками. Гусь без яблок. Яблоки без гуся – красные, крепкие, зимние в огромной хрустальной вазе.

Созвоны с мамой, созвоны с сестрой. Что мы делаем в качестве «основного блюда»? Жарим индейку или запекаем буженину?.. Принципиальный вопрос!

Да, и «молодое божоле»!.. Куда же без него?!

Оно греется в кастрюльке, туда же добавляется корица, гвоздика, немного толченого коричневого сахара, дольки апельсина, кусочки яблока, и почему-то все это именуется «глинтвейн».

Оно отлично пьется все эти долгие-долгие, темные-темные, глухие-глухие дни, когда закат давно минул, а рассвета еще нужно дожидаться.

Конец и начало мира.

Анна и Сергей Литвиновы

Визит старой дамы

Женщина, появившаяся в то утро в моем детективном агентстве, была раз в семь старше, нежели мои среднестатистические посетительницы.

Когда бы не протекция моей давней знакомой Татьяны Садовниковой, я ни за какие коврижки не стал бы уделять собственное драгоценное время столь пожилой леди. Однако Таня просила – и вот передо мной в кресле для гостей расположилась бабуля, ровесница то ли первой пятилетки, то ли Кровавого воскресенья. (Когда речь идет о немолодых женщинах, оперативное чутье отказывает мне в определении их точного возраста.)

– Вам кофе? – по инерции спросил я и лишь потом сообразил, что данной посетительнице уместней было бы предложить какой-нибудь рисовый отвар или, скажем, травяной сбор номер три. Однако старушка меня удивила.

– Да, молодой человек, – грудным голосом ответила она, – только прикажите вашей барышне приготовить не слишком крепкий и, если можно, добавить в него капельку сливок.

Я присмотрелся к даме повнимательней. Для своего возраста она выглядела чертовски ухоженной. Седые букли ста-

рой леди были тщательно завиты. Тщательный маникюр. Все зубы на месте и без изъянов. Ножки обуты в туфельки на каблучке. В руках – элегантная сумочка и полотняный зонтик от солнца.

Моя секретарша Римка, безусловно, услышала в своем закутке необычный заказ, потому что выглянула, тайком оглядела даму и ободряюще улыбнулась.

– А мне – покрепче, – вздохнул я в сторону Римки и обратился к даме: – Что привело вас ко мне, глубокоуважаемая, э-э...

– Зовите меня Татьяна Дмитриевна, – с достоинством проговорила элегантная старушка.

– Павел, – представился я, – просто Павел.

– Я попросила, чтобы моя тезка и крестница Таня составила мне протекцию в связи с печальными обстоятельствами... очень печальными... – Тут голос старушки дрогнул. На глазах показались слезы. Однако, на счастье, в сей момент из своего закутка явилась Римка с подносом и двумя чашками кофе. Одна из них оказалась со сливками. Кроме того, Римка от щедрот душевных добавила вазочку с печеньем – это означало, что бабуля ей понравилась.

– Спасибо вам, сударыня, – с необыкновенным достоинством поблагодарила Римку старая леди и отпустила ее старорежимным кивком головы.

– Мерси, – буркнул я. Римка украдкой показала мне язык.

– ...Как это приятно, что, кажется, новая эпоха возвра-

щает нам старые обращения – не правда ли, молодой человек? – продолжила дама. – «Сударыня», «сударь», даже «барышня» – насколько же приятнее звучит, чем – как это было принято при большевиках! – все эти «женщины» и тем более – «гражданки»!.. Не правда ли, э-э... – она сделала паузу, а затем рассмеялась, – ну вот, я хотела назвать вас «сударь», а мое прошлое, все мои восемьдесят прожитых при социализме лет подсовывают мне на язык «молодой человек»... Или, того хуже, «товарищ»!..

Я усмехнулся. Старушонка мне нравилась, но не пора ли к делу? Что привело ее ко мне? Неужто пропажа любимого кота?

– Но я не стану отнимать ваше время пустыми разглагольствованиями, – спохватилась пенсионерка. – Меня, конечно же, заставило к вам обратиться дело... Важное дело... Вы знаете, Павел... Дело в том, что... Что у меня... У меня пропал... муж.

– Муж? – переспросил я.

– Да. – Она устремила взгляд в пространство. Ложечка ее бесцельно размешивала кофе со сливками.

– Вы знаете, – начал я, – вообще-то я не специализируюсь на поиске людей...

– Я понимаю... – печально протянула дама. – Танечка говорила мне... Но вы единственный знакомый нам специалист подобной профессии... Не считать же *детективами*, – она уничижительно проинтонировала последнее сло-

во, – специалистов из нашей городской милиции... Как это сейчас принято их называть? «Менты»?.. Они ведь очень долго даже заявления у меня не желали принимать о пропаже человека!.. Кроме того, вы, Павел, – вдруг спохватилась она, – может быть, сомневаетесь, что я сумею оплатить ваши услуги? Танечка говорила мне, что они довольно дорого стоят... Особенно, конечно, в сравнении с моей куцей пенсией... Но хотя пенсия у меня и мизерная, я имею кое-какие сбережения (на последних словах она понизила голос)... А еще вот...

Старушка порылась в сумочке и извлекла оттуда платок. Затем развернула его и положила мне на стол золотое кольцо, в коем мерцал немаленький камень.

– Это кольцо – оно досталось мне еще от моего дедушки – я думала подарить моему Саше на бриллиантовую свадьбу... Шестьдесят лет мы вместе... Знаете, молодой человек, мы с ним в свое время даже не обменялись кольцами... Расписывались впопыхах, во время его отпуска с фронта, я уже тогда была в положении... Ах, да что я вам рассказываю!.. Словом, мой знакомый ювелир, Ося Фельдман, оценил это кольцо в десять тысяч нынешних рублей. И можете не сомневаться, дорогой Павел, оно, вне зависимости от результатов вашего расследования, – ваше... Кроме того, я, безусловно, готова покрыть все ваши издержки по расследованию этого дела...

Она пару секунд помолчала. Глаза ее вдруг наполнились слезами, и она сказала – скорее даже выкрикнула:

– Только верните мне моего Сашу!..

И такая мука, такое горе и такая надежда прозвучали в этой мольбе, что я понял: мне ничего не остается делать, кроме как взяться за расследование.

Даже если стоимость ее несчастного кольца не покроет и половины моих издержек.

* * *

В результате первого опроса свидетеля, то есть старушки с ухоженными буклями, мне стало известно следующее.

Она и ее пропавший супруг – Саша, или Александр Матвеевич, – проживали, по-пензионерски тихо и мирно, в приморском городе Н.

Ежевечерне, вне зависимости от погоды, Александр Матвеевич брал свою трость (и, в зависимости от погоды, зонт или соломенную шляпу) и отправлялся на прогулку по набережной. Порой моя гостья составляла супругу компанию. Однако временами здоровье или приготовление пищи оставляли Татьяну Дмитриевну дома. И тогда супруг шел на прогулку один. К несчастью, так случилось и в тот вечер пять дней назад.

Обычно вечерний моцион Александра Матвеевича длился около полутора часов. С живейшим интересом он осматривал пароходы, пришедшие в порт. Интересовался уловом у рыбаков, удивших кефаль у канализационных стоков. До-

вольно часто встречал во время прогулки знакомых (примерно того же возраста, что и он) и обменивался с ними соображениями по поводу внешней и внутренней политики.

В тот вечер к обычным девяти часам (началу программы «Время») Александр Матвеевич домой не вернулся.

В половине десятого Татьяна Дмитриевна начала волноваться.

В десять вышла на набережную в поисках супруга.

Уже давно стемнело. Мужа нигде не было видно. Татьяна Дмитриевна расспрашивала немногих оставшихся на прибрежных лавочках знакомых. Затем – просто прохожих. Никто крепкого высокого старика с тростью не видел.

В одиннадцать взволнованная женщина вернулась домой. Она надеялась: может быть, Саша вернулся в ее отсутствие. Но, увы...

В двенадцать Татьяна Дмитриевна принялась обзванивать городские больницы.

В два часа ночи дошла очередь до моргов. Александр Матвеевич нигде не значился.

К утру он так и не появился. Не сомкнувшая глаз старушка отправилась в милицию. Там ее промурыжили пару часов, однако никакого заявления о пропаже человека не приняли.

Весь следующий день Татьяна Дмитриевна при помощи сверстниц-подруг занималась поисками исчезнувшего мужа. Безрезультатно.

Местные мильтоны так и не принимали у отчаявшейся

женщины заявления, отделяваясь то глумливыми шутками, то выражениями деланого сочувствия и успокаивающими тирадами.

К утру второго дня женщина, всей своею жизнью воспитанная на идее, что если правда в нашей стране и есть, то найти ее можно только в Москве, вылетела в столицу.

В Москве она уже побывала в приемной МВД и у адвоката. Министерские, судя по всему, дали вздрючку ребятам из горотдела города Н. – и это было хорошо. Адвокат заявил старой леди, что данное дело не его прерогатива, и (видимо, чтобы отделаться) посоветовал бабуле обратиться к частному детективу.

И тогда Татьяна Садовникова, крестница и тезка старушки, навела пожилую леди на меня.

«Что ж, спасибо тебе, Танечка, – скептически подумал я, – век не забуду».

* * *

Кофе, со сливками и без, был выпит. Старушка выжидательно смотрела на меня.

– Скажите, Татьяна Дмитриевна, – осторожно спросил я, – какими заболеваниями страдал ваш супруг?

– Соответствующими его возрасту, – с удивительным достоинством ответила старая леди.

– А именно?

– Повышенное артериальное давление. Варикозное расширение вен.

– Может быть, э-э, склероз?

– Вы хотите сказать, что Саша мог внезапно впасть в ма-
разматическое состояние и забыть дорогу домой?.. Пони-
маю, вы, молодой человек, отрабатываете прежде всего са-
мые элементарные версии... Что ж, как врач, наблюдавший
Сашу все последние шестьдесят лет (за исключением, разу-
меется, его пребывания на фронте, в плену и сталинских ла-
герях), я вам отвечу: этот диагноз я бы назвала полностью
несостоятельным.

– Могло ли случиться так, что ему внезапно стало плохо?
И он, допустим, упал с пирса в воду?

– К сожалению, я не могу полностью исключить данную
вероятность. Подобное может случиться даже с гораздо бо-
лее юными людьми... Однако во время Сашиных прогу-
лок на набережной постоянно находится преизрядное ко-
личество народу. Конечно, времена теперь такие, что homo
homini lupus est³, – однако трудно представить, чтобы ни
один из многочисленных гуляющих не обратил внимания на
падение пожилого человека в воду.

– Скажите, Татьяна Дмитриевна, а употреблял ли ваш су-
пруг спиртные напитки?

– Вы, юноша, следуете изъезженной дорогой. Абсолютно
те же вопросы – правда, в значительно более издевательском,

³ Человек человеку – волк (*лат.*).

по сути, тоне – мне задавали и в отделении милиции... Нет, нет, я вас, Павел, нисколько не виню – вы стараетесь исключить очевидное и не хотите обидеть ни меня, ни Сашу... Должна заявить вам, что не могу себе представить Сашу, где-то вне дома распивающим спиртные напитки... За все время нашей совместной жизни подобного не случилось, наверное, ни разу... Фронтовые сто граммов или трофейный шнапс я, конечно, не имею в виду... Нет, Павел! Саша мог выпить дома, в честь именин, Нового года или приезда детей, бокал – в крайнем случае два – хорошего вина... Но это все, что он себе позволял... Еще раз повторяю: я не могу представить себе его распивающим вне дома, с какими-нибудь мужичками...

– Кто наследует квартиру после вашей кончины? – быстро спросил я, надеясь сбить старушку с уверенного тона.

– Наша дочь, – с прежним невозмутимым достоинством отвечала старая дама. – Сейчас они вместе с мужем находятся в длительной заграничной командировке, во Вьетнаме. Я говорила с ней вчера по телефону.

– А не допускаете ли вы мысли, что у вашего мужа была... – я тщательно подбирал слова, – что он мог... уйти... к другой женщине?

– Саша?.. Мне, конечно, горько об этом даже подумать... Правда, говорят, жены все замечают последними... Но, молодой человек, я передумала за последние четыре дня о многом... Что только не придет в голову в подобной ситуации... Но я уверена: даже если бы вдруг мой Саша решил предпо-

честь меня кому-то (но у меня, конечно, нет ни малейших оснований подозревать его в измене!), он бы никогда не покинул меня настолько по-подлому, трусливо... Саша, знаете ли, настоящий мужчина – во всех своих проявлениях...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.